

НИКОЛАЙ КИРСАНОВ (Хельсинки)

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ *ы*
В РУССКОЙ ТОПОНИМИИ ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Abstract. Predecessors of Contemporary Russian *ы* in the Toponymy of Ingermanland

On the ground of certain conservatism in Finnic adaptations of imported Slavic place-names some reconstructions are presented of possible Slavic place-names of Ingermanland dated back to times before the first Slavic palatalization of velars (Finnish *Kirnu* < Church Slav **kir(s)nu* 'black': cf Finnish *musta* 'black' > Russian *Мустово* and Russian *Корново/Кёрново*; cf Finnish *Kuippina* vs Russian *Купень* < **Кыпень* < Church Slav ***Kuipini*, where palatalization was impossible before a back vowel) and before the rise of *ы* from *и* through *ui*.

Keywords: Finnic, Ingermanland toponyms, Proto-Slavic velars in Finnic.

0. Можно с вескими основаниями предполагать, что используемые современным русскоязычным населением Ингерманландии формы топонимов часто не являются первоначальными, поскольку современное русскоязычное население представляет собой большей частью потомков представителей нескольких позднейших волн миграции, вызванных, в частности, завоеваниями Москвой Новгорода, Швецией Ингерманландии, Россией Ингерманландии, гражданской войной, коллективизацией и выселениями из пограничной зоны России, войнами с Финляндией и Германией, режимом пограничной зоны СССР и РФ. Я предполагаю также, что в более консервативных прибалтийско-финских диалектах могли сохраниться исконные особенности языка первых славянских жителей этого края, говоривших, по всей видимости, на древненовгородском диалекте.

Наряду с соответствиями *ы* в данной статье рассматриваются наличие первой палатализации в соответствиях веларных, явления, связанные с совершившимся в период самостоятельного развития восточнославянских диалектов переходом *гы, кы, хы* в *ги, ки, хи*.

1. Две буквы современного (гражданского) кириллического алфавита являются исторически лигатурами, в них легко выделить графический элемент *І*: *Ю* и *Ы*. В первоначальных славянских алфавитах (глаголице и кириллице) таких лигатур было больше: кириллическим *Оу*

[*au], Ъ [*ui], Ю (<*Юу [*jau]), Я [*jā], Я [*jen], Я [*jan], Ј [*je] соответствовали аналогичные лигатуры в глаголице.

Общепризнано положение о развитии современного рус. *ы* из раннепротослав. *ī*. Заманчиво предположить, что диграф Ъ отражает промежуточную стадию этого развития — дифтонг **ui*¹; другим возможным объяснением будет использование ера в качестве *mater lectionis* для обозначения несмягченного согласного перед *ы*.

Джордж Шевелов в своей монографии, посвященной предыстории славянских языков, отмечает: «не исключено, что в некоторых сл[авянских] диалектах, вероятно всего на Балканах, могло иметься *ы*, звучавшее как дифтонг *ui*. Но предоставить убедительные доказательства существования таких диалектов и, если таковые существовали, указать их географическое месторасположение невозможно. Вопрос должен оставаться открытым» (Shevelov 1964 : 379).

2. В Ингерманландии довольно много русских ойконимов с *ы* в корне. У этих населенных пунктов имеются и параллельные прибалтийско-финские названия, содержащие в качестве соответствия *ы* именно *ui*. Современные ингерманландско-финские и ижорские диалекты не имеют звука *ы* в исконной лексике, но в поздних заимствованиях из русского языка он спорадически присутствует.² Напротив, гласный, весьма напоминаящий рус. *ы*, имеется в водском и эстонском языках. Интересно, однако, заметить, что вод. *õ* никогда не передается в русских названиях звуком *ы* (ср. рус. *Корвитино*, *Понделево* (Теслев б. г.) и вод. *Kõrvõttula*, *Pontizõõ*), тем самым контраргументация Дж. Шевелова³ теряет часть своей убедительности.

Наблюдаемые в славянских и прибалтийско-финских топонимах Ингерманландии взаимные соответствия объяснимы двояко: или синхронной субституцией или ретросубституцией. Против синхронной субституции в современный нам период говорит, например, наблюдаемая пара названий *Кипень/Kuippina*. Действительно, если топоним заимствовался из современного русского языка в финский, то нет никаких оснований для передачи рус. *и* фин. *ui*; более того, современная русская форма предоставляет прекрасную возможность для порождения народно-этимологической формы **kipinä* 'искра'. Если же топоним заимствуется из современного финского языка в русский, то нет оснований для передачи фин. *ui* рус. *и*, а не сочетанием *уй*; для народной этимологии в данном случае тоже найдется место: **куй пень*, **куй пня*.⁴ Возможными объяснениями остаются наличие контакта между носителями предшественников современных языков в прошлом или необычайно сильная ретросубституция.

¹ И столь же заманчиво предполагать, что диграф Юу отражает дифтонг **au*: ср. *Лоуга*, но *Лаикаа* (откуда, возможно, *Лавга* Летописи Рачинского).

² Например, в ижорском алфавите 1930-х годов, созданном на основе латинской графики, присутствует буква *ь*, означающая именно звук *ы* (Цjin, Junus 1936); возводить ее непосредственно к протослав. *ī* было бы, разумеется, чересчур смело.

³ «Т[юркские] и ф[инно-угорские] соответствия могут иногда быть произвольными и, воспринятые буквально, дезориентирующими. Например, р[усское] *мыза* заимствовано из эст[онского] *mõisa* (фи[нское] *moisio*). Означает ли это, что р[усское] *ы* того времени представляло собой дифтонг *oi*?» (Shevelov 1964 : 378).

⁴ Ср. многочисленные народные этимологии, связанные с Петром Великим: в Парголове у Петра пошел *пар* из *головы*, в Колпине Пётр *пинал кол* и т. д.

Отсутствие письменных источников старше XV века по топонимии Ингерманландии не позволяет произвести абсолютную датировку появления более древних топонимов. Тем не менее, можно не без основания считать, что, попав в язык-реципиент, топоним начинает развиваться в соответствии с законами языка-реципиента независимо от положения дел в языке-доноре. Имея (построенную на независимом материале) хронологию фонетических изменений в обоих языках, можно попытаться датировать контакты между языками.

3. Ниже мы представим несколько примеров из подготавливаемого словаря топонимов Ингерманландии (подача материала немного изменена), в которых топонимы описываются следующим образом: современные официальные русские, финские и (возможно) шведские (Luther 2000) названия, варианты названия, собранные у местных жителей во время топонимических экспедиций, варианты названия, встречающиеся в документах, предлагаемая этимология названия, датировка возможного контакта между носителями прибалтийско-финских и славянских языков с использованием хронологии развития общеславянского языка по (Shevelov 1964), наиболее вероятные этимоны названия.

[Русско-]Высоцкое | Финно-Высоцкое рус. / *Venäjän Vuissakka* | [Suomen] *Vuissakka* фин. (Hietamäki)

vuissak|ka, -*alt* (EMN 1960)

vuiska (AI 1963)

suomev vuissakka: vuissakàs (VN 1973)

Witstock (Landt-Karta 1699)

Высоцкое | Чух. *Высоцкая* (Теслев б.г.)

Контакт до второй делябиализации огубленных (IX в.).

→ новг. слав. ап. **vuisaka-* 'высокий' < **ūpsaka-*.

Кипень рус. / *Kuippina* фин. (*Ropsu*)

kuippina, *kuippinās* (EMN 1960)

kuippina: kuippinäl / kuippinoist (VN 1973)

Kipensko (Le Grand Atlas 1663)

Kipenskaja (Wilbrecht 1788)

Контакт до перехода *kǫ > ki* в восточнославянском (X—XII вв., новг. XIV в. (Зализняк 1995)⁵), до падения еров и развития *e* из *ь* (X—XII вв.).

→ новг. слав. ап. **kuipĕti* 'кипеть' < **kūpĕti*.

Киваницы / *Kivanitsa* (*Kupanitsa*)

kivantsa: kivantsas / kivantsoist (VN 1973)

Quivilla ~ Quiwina 1639 (Амбросиани 2003)

Kuifvilla 1696 (Амбросиани 2003)

Расположено рядом с деревнями Кивалицы и Куйвилово, что позволяет говорить об общем этимоне.

⁵ В некоторых севернорусских говорах этот процесс не завершился и в XVII в. (Бегунц 2006).

Контакт до перехода *кы* > *ки* в восточнославянском (X—XII вв., новг. XIV в. (Зализняк 1995)).

→ фин. ап. *kuiva* 'сухой' | новг. слав. ап. **kuivati* 'кивать' < **kūvāti*.

Корново | Керново рус. / *Kirnu* фин. (Karpio)

kirnu: *kirnul* (VN 1973)

Кернова (Нагаев 1757)

Нов. Кернова, Ст. Кернова (Теслев б.г.)

Kirnu (Karpio) [ижорская] (Mustonen 1931)

Kirnu (Karpio) [ижоры] (Nissilä, Sarmela, Sinisalo 1970).

Расположено рядом с деревней *Мустово* (ср. фин. *musta* 'черный') и заливом *Чёрная Лахта*, так что этимология, восходящая к раннепротославскому кажется интересной.⁶ Именно, раннепротослав. **kir(s)-nu* 'черный' > (первая палатализация велярных согласных: *k* перед гласным переднего ряда > *ч*, *i* > *ь*, *u* > *ъ*) позднепротослав. **чърнь* > (падение еров: первый справа ер исчезает, второй заменяет главноударный (*e*), из которого в период самостоятельного развития русского языка перед несмягченным согласным получается [o], орф. *ѣ*; ср. также рус. *вѣрсты* | фин. *virstat* то же) совр. рус. *чёрный*. Современные рус. *Керново* и *Корново* можно рассматривать как результат произошедшего после окончания действия закона первой палатализации бумерангового заимствования из *Kirnu*; непалатализованность велярного *k* в *Корново* можно рассматривать как результат адаптации крайне нетипичного для современного русского языка звукосочетания [к'о]; ср. фин. *Keltto* | рус. *Колтуши*.

Контакт до первой палатализации (V—VI вв.), бумеранг до падения еров (X—XII вв.); ****Черное**.

→ фин. ап. *kirnu* 'маслобойка', *kärnä* (Hildén 1906) | раннепротослав. ап. **kir(s)nu* 'черный'.

Колтуши рус. / *Keltto* фин. / *Keltis* швед.

Keltto ~ *Kelttu*... *Keltossa* ~ *Keltussa* (MT 1958)

kelttu (MS 1960)

Keltis (Le Grand Atlas 1663)

Kjältis (Trackt-Karta 1670—1681)

Форма *kelttu* выглядит как заимствование из раннепротослав. **gel-tu* 'желтый'. В самом деле, славянские звонкие взрывные передаются в прибалтийско-финских как глухие (*g* > *k*), а глухие взрывные как геминаты или (полу)долгие (*lt* > *ltt*), вокализм же остается без изменений. Хорошо подходящий для народного этимологизирования этимон пбф. *kelta* 'желтый' является балтийским заимствованием, традиционно относящимся к более раннему периоду контактов прибалтийских финнов с соседними народами.

Написание *Kjältis* позволяет предполагать также существование ассимилированного произношения **Челт-/Чёлт-* среди местного сла-

⁶ Ср. также эстонскую и немецкую (вышедшую из употребления из-за политических причин) формы названия города на берегу Чудского озера: *Mustvee* и *Tschorna*.

вянского или (менее вероятно) прибалтийско-финскоязычного населения; ср. *Käkisalmi/Kexholm*.

Контакт до первой палатализации (V—VI вв.), бумеранг до перехода ударного *e* перед несмягченным согласным в *o* (XIV—XVI вв.); **Жёлтое.

→ фин. ап. *kelta* 'желтый' | раннепротослав. ап. **geltu* 'желтый'.

Muiskola фин. | Мышкино рус. (Karpio)

muiskola: *muiskolas* (VN 1973)

→ новг. слав. ап. **muisika* 'мышка' < **mūsikā* (ср. церковнослав. *мышьца* с отсутствующей в новгородском второй палатализацией *k*).

Тявзино | Извоз рус. | *Tiensuu* | *Täyssinä* фин. (Kosemkinä)

Täyssinä, рус. *Izvoz* = *Tiensuu* (VN 1973)

tie(n)suu, *-suus* ~ *teesuu* (VN 1973)

Teusina (Fridz 1595)

Пбф. **tēsū* (совр. фин. *Tiensuu*) будучи заимствовано в славянском во время существования носовых гласных (или назальных дифтонгов) должно было развиваться в славянском следующим образом: **tēsū* > **tēzū* > **тѣзы* > **тязва*; от последней формы легко произвести *Тявзино* при помощи метатезы. Современная финская форма представляет тогда собой бумеранговое заимствование.

Контакт до второй делябиализации огубленных гласных (VIII—IX вв.), до или во время перехода назальных дифтонгов в носовые гласные (VII в.); **Тензу.

→ пбф. ап. **tēsū* 'устье дороги' > фин. фамилия *Tiensuu* (Mikkonen, Paikkala 1992 : 663).

4. В заключение можно констатировать, принимая во внимание предостережения Дж. Шевелова о возможном дезориентирующем характере славянско-прибалтийско-финских соответствий, что с достаточно высокой вероятностью контакты славянского и прибалтийско-финского населения на территории (Западной) Ингерманландии могли происходить уже начиная с V в. н. э. Если наша гипотеза верна, то, например, для ингерманландских топонимов *Выра* и *Вырица* можно представить в качестве соответствий финляндские топонимы *Uuras* и *Uurainen*.⁷ Можно также утверждать, что с высокой степенью вероятности слав. *ы* проходило в своем развитии стадию дифтонга *ui*.

Address:
Nikolai Kirsanov
University of Helsinki
E-mail: nikolai.kirsanov@helsinki.fi

⁷ Ср. также *Выгозеро/Uikujärvi* в Карелии и *Uukuniemi*: **выгъ* < **wiigu-/uiku-* < **ūgu-/uuku-*.

Сокращения из словаря топонимов Ингерманландии

ап. — апеллятив; **новг.** — новгородское; **рус.** — русское; **слав.** — славянское; **швед.** — шведское.

AI — Aapo Iho, ККТК; **EMN** — Eeva Maria Närhi, ККТК; **ККТК** — топонимический архив Центра изучения языков Финляндии; **Landt Karta** — Den Landt Karta öfver Nöteborgs Lähn år efter en stor gammal Karta, som fans här på Contoret, bragt till detta format och rätta storleken af Landt-Cartor in Januario A^o 1699. C. S. Stuart. P. Wassander fecit. Цит. по А. С. Лаппо-Данилевский, *Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником, Санкт-Петербург 1913*; **MS** — Minna Savela, ККТК; **MT** — M. Tuomirinne, ККТК; **Trackt-Karta** — Geographisk eller Trackt-Karta omkring Nötheborgh samt Neva Strömmens lopp utur Ladoga inuti Öster Sjön. Upprättad af Blasingh. Цит. по А. С. Лаппо-Данилевский, *Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником, Санкт-Петербург 1913*; **VN** — Viljo Nissilä, ККТК.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбросиани П. 2003, Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма. Дудоровский погост. — Swedish contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists. Ljubljana 15—21 August 2003, Lund (Slavica Lundensia supplementa 2), 7—20.
- Бегунц И. В. 2006, Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в., Автореф. канд. дисс., Москва.
- Журавлев В. К. 2004, Диахроническая фонология, Москва, Едиториал УРСС.
- Зализняк А. А. 1995, Древненовгородский диалект, Москва.
- Нагаев А. 1757, Атлас всего Балтийского моря с Финским и Ботническим заливами..., S.l.
- Теслев, [Карта окрестностей Санкт-Петербурга, предположительно XIX в.] Сочин. и Корект. делал Маиор Теслев 1й, S.l.
- Fasóúlas, K. 1977, Inkerin *-si-loppuiset kylännimet*. Suomen kielen pro gradu työ, Helsinki.
- Fridz fördragh emellan Sverige och Rydzlandh oprättat then 18. Majj åhr 1595 widh Narfwe Åå opå then Iwangorodz side wid Teusina.
- Haltsonen, S. 1965, Entistä Inkeriä, Helsinki (Tietolipas 36).
- Hildén, V. 1906, Kaprion ja Jaaman piirikuntien suomalainen nimistö v. 1500. Novgorodin verokirjojen mukaan. Pro gradu työ, Helsinki.
- Iljin, N. A., Junus, V. I. 1936, Bukvari izoroin škouluja vart, Moskva—Leningrad.
- Le Grand Atlas. Svecia, Dania, et Norvegia, Regna Europæ Septentrionalia 1663.
- Louhelainen, O. A. 1913, Luettelo vakinaisten seurakuntalaisten sukunimistä Inkerinmaan suomalaisissa seurakunnissa Venäjän vallan aikana noin v.v. 1721—1912, Viipuri.
- Luther, G. 2000, De finska och svenska församlingarna och deras prästerskap 1704—1940, Helsingfors 2000 (Herdaminne för Ingermanland 2).
- Mikkola, J. J. 1921, L'avance des Slaves vers la Baltique. — Revue des Études Slaves I 3—4, 198—203.
- Mikkonen, P., Paikkala, S. 1992, Sukunimet, Helsinki.
- Mustonen, J. 1931, Inkerin suomalaiset seurakunnat: liitteenä kartta nimihakemistoiheen, Helsinki (SKST 191).
- Nissilä, V. 1956, Slaavilaisia aineksia nimistössämme. — Vir., 49—70.
- Nissilä, V., Sarmela, M., Sinisalo, A. 1970, Ethnologisches Ortschafts- und Dorfregister der finnischen Sprachgebiets in Finnland, Karelien, Ingermanland, Norrbotten, Finnmark und auf der Halbinsel Kola, Helsinki (Studia Fennica 15).
- Pitkänen, R. L. 1985, Turunmaan saariston suomalainen lainanimistö, Rauma.
- Saloheimo, V. 1995, Käkisalmen läänistä ja Inkerinmaalta ruptuurin aikana 1656—58 paenneet ja poisvietyt, Joensuu (Historian tutkimuksia 11).

- Shevelov, G. 1964, A Prehistory of Slavic, Heidelberg.
Wilbrecht, A. 1788, Théâtre de la Guerre entre la Suède et l'Empire de
Russia, S. I.
Zilliacus, K., Ådahl-Sundgren, U. 1984, Svenska ortnamn i Fin-
land, Helsingfors.

NIKOLAI KIRSANOV (Helsinki)

**PREDECESSORS OF CONTEMPORARY RUSSIAN *ь*
IN THE TOPONYMY OF INGERMANLAND**

While examining the original shapes of the contemporary letter *ь* attention is drawn to the fact that in both Slavic alphabets (Cyrillic and Glagolitic) *ь* is rendered by two letters, *ѣ* followed by *ѣ* which could be easily understood as a kind of ligature containing letter *i* like in *ѣ* [**je*] and *ѣ* [**jau*]. The problem is that none of the contemporary Slavic languages contains any traces of *ui* in the reflexes of *ь*. George Shevelov (1964 : 379), in the section devoted to the second delabialization of rounded vowels, concludes that "it is not excluded that certain Slavic dialects, most plausibly in Balkans, could have had *y* with the phonetic value of an *ui*-diphthong. But it is impossible to pass definitive judgement on this and, if such dialects existed, to identify them geographically. The question must remain open."

There are plenty of places in Ingermanland whose contemporary Russian names contain *ь*. By comparing them with their Finnic counterparts it is possible to investigate when the contacts between Eastern Slavic and Finnic might have occurred and, in particular, what predecessors *ь* might have had in the Slavic spoken in the area.